

Корреспондент направлялся было к Ефиму Шифрину, когда магнитное поле стоящего поодаль артиста притянуло диктофон. Тот сам собою включился. Осталось только задавать вопросы.

— На дворе — зима. В душах — зима. Зима — в политике, зима — в экономике, зима — в общественной жизни... А посредине Москвы лучшие силы сатиры и юмора собрались поохмиться? К месту ли и ко времени?

— Я не понял вопроса. Если следовать его интонации, следует сидеть дома и перезваниваться, рассказывая друг другу, как плохо живется, как идет обмен денег... Зритель-то не виноват. После рабочего дня, после жуткой информации, свалившейся на его голову из газет и журналов, ему просто необходима развлекательная передача. Поэтому мы здесь и собрались. Жизнь не прекращается. Даже в самое жуткое время в последней войне по фронтам ездили бригады артистов...

— Сейчас, по-моему, время страшнее: тогда враг был виден. А сейчас? И где проходит линия фронта?.. Кстати, у вас остается время для чтения?

— Времени совсем нет. Идет репетиционный период — готовится новый спектакль. Читаю материал, имеющий отношение к будущей программе. Кстати, даже не выписал в новом году ни одной газеты, чему сейчас безумно рад. Информацию получаю от друзей и родственников...

— В интерпретации?

— Впрямую. Зато не отвлекаюсь. Ведь когда лежит стопка газет за день, хочется открыть, почитать... А теперь я знаю, что до меня информация все равно дойдет. К тому же в прессе столько воды, столько тенденциозности... Нет, лучше уж заниматься любимым делом.

— Что вы читали в последнее время?

— Вы можете смеяться: перечитывал классику — «Преступление и наказание», главы «Войны и мира», которую, к стыду своему, не открывал со школьной скамьи. Зато есть возможность сверять впечатления почти тридцатилетней давности с нынешними. Не читаю детективов. На это у меня нет времени. Очень люблю Мандельштама, Пастернака...

ВЛАДИМИР ВИНУКОВ (как догадался читатель, это был именно он) погрустнел.

А корреспондент отправился по назначенному ранее пути к **ЕФИМУ ШИФРИНУ**:

— Вы правы, кругом зима. Но мы, по чьему-то меткому определению, шуты Егор Величества Народа. И институт шутовства не отменялся даже в самые страшные поры в России... Ощущение неловкости, конечно, есть. С этим живу последние месяцы. Конечно же, мы врем...

— И этим не отличаетесь ни от правительств, ни от... умолчу, впрочем.

— Мы пытаемся сейчас развеселить народ. Берем, так сказать, на себя функции санитаров, вывозящих раненых с поля боя. Выступая в последнее время, я ощущаю из зала токи, подобные тем, что ощущал на выступлении в госпитале имени Бурденко перед нашими афганцами. Когда полуживого человека, лишенного частей тела, пытаются рассмешить, в этом есть критическая доза фальши (несмотря на определенное миссионерство)...

— Интересно, что сейчас читает Шифрин?

— Грех сказать, но похвастаться нечем. Любая сочиненная строчка, из тех, что относятся к художественной литературе, не вызывает у меня желания подключиться к придуманному. Вот недавно зашел приятель, попросил почитать что-нибудь. Я дал ему третий том Набокова — он словно в родник окунулся. А я даже на это сейчас не могу отважиться.

Хорошо сказал Преображенский у Булгакова: «И вообще не читайте никаких советских газет». Замечательный рецепт! Понимаю, что в этот разряд попадает и «КО»... Но лекарство удивитель-

ДЕЛО БЫЛО ВЕЧЕРОМ...

Стоял один из зимних вечеров. Страна жила напряженной сумеречной жизнью: одни стояли в очередях за невыброшенной колбасой, другие — рылись в книжках по технике секса, которые в изобилии появились в последнее время, третьи... Третьи охотились за ведущими «600 секунд»; правда, охота велась с такой рекламой и ретозейством, словно ее оплатили предполагаемые жертвы — во имя повышения собственного рейтинга... Словом, стоял вечер — все занималось своим делом. Не своим делом занимался только ваш корреспондент, попавший в столичный Дом культуры железнодорожников, где снималась первоапрельская передача «Аншлаг! Аншлаг!». Ознакомившись с меню в буфете и полистав в фойе продававшуюся книгу Михаила Задорнова, ваш корреспондент забрел за кулисы, где повстречал многих авторов «КО». Дефилируя между находящимися в процессе напудривания Геннадием Хазановым и уже напудренными музыкантами группы «На-на», он стал заниматься своим делом, то есть влезать не в свои дела. Так родились блиц-интервью, предлагаемые ниже...

ное: не читать никаких советских газет!

— А смотреть ТВ?

— Я человек, который зависит от этого института, и от шуток на этот счет воздержусь. Но как врач, рекомендуя больному что-либо, запретил бы и ТВ смотреть — в первую очередь!

С традиционным вопросом о зиме в людях и вокруг них я подошел к **МИХАИЛУ ЕВДОКИМОВУ**, уверенно завоевавшему аудиторию в последнее время:

— Вопрос, как говорится, интересный... Какая разница для юмора — весна, зима? Конечно, весной повеселее. Но я люблю свое дело. Я долго стремился к своей профессии. Зима, осень — в зале всегда тепло.

— Это зависит не только от зала, но и от сцены и того, кто на ней.

— Естественно. Успеваю ли читать? Последнее время прочитал книгу о Высоцком. Она долго доходила до меня — и вот мы с ней нашли друг друга. Люблю детективы. Этот жанр не претендует на многое. Но он может заворочить, быть интересным... А вообще, я занят сейчас большой работой и хочу задействовать в новых спектаклях Виктора Коклюшкина...

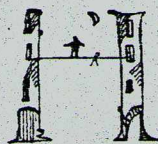
Михаил Евдокимов сам подсказал, к кому следует обратиться дальше. И вот **ВИКТОР КОКЛЮШКИН** отвечает на традиционный вопрос закулисного блиц-интервью:

— Перед вами — наша работа, наши будни. Одни сеют хлеб, другие делают станки либо колбасу, а мы — делаем смех. Другое дело, с кем смеешься и против кого смеешься? Одно дело, когда со своими и над чужими... Лучшее всего, конечно, смеяться над собой. Это безобиднее. Особенно, если к самому себе относиться как к чужому.

— В прошлых наших беседах Виктор Коклюшкин жаловался, что ему не удается напечатать ни одной из своих больших вещей. Есть ли подвижка в этом деле?

— В новом независимом альманахе «Конец века» в первом номере будет опубликован мой роман «Блеск», написанный еще в 1982 году. Наша братия — юмористы — спросила меня: «О чем ты там написал?» — «О девятнадцатом веке» — «Почему?» — «Потому что все корни наших сегодняшних безобразий уходят в него...»

Когда я предлагал роман в журналы, там поочередно осваивали разоблачение культа личности Сталина, затем разбирались с виной Троцкого, потом — Бухарина, следом — Владимира Ильича стали во всех бедах обвинять и наконец пришли вообще к интеллигентам, которые расшатывали царский трон... А мне, сидящему в XIX веке, приходилось оставаться непонятым вместе с моим романом... Теперь дошла очередь до него...

Женщин в цехе сатиры ровно столько же, сколько в Политбюро ЦК КПСС: одна. И эта одна — **КЛАРА НОВИКОВА**.

Ваш корреспондент терпеливо дождался, пока актриса нарисует себе один глазок; потом — другой, и, догадавшись, что третий глазок рисовать не будут, обратился к ней с вопросами, предварительно, как записано в еще не принятом Уставе «КО», поцеловав ей руку:

— Клара, на дворе — дрова, на трапе... Извините, на дворе — зима, а Карл (видимо, Маркс) украл у Клары (видимо, Цеткин)... Словом, что вы об этом думаете?

— Пусть на дворе зима, но это же хорошо, что здесь собрались лучшие сатирические силы страны. Везде они разбегались, а здесь хоть еще собираются.

Время ли для смеха? Сказано же, что только смеючись, мы можем справиться со всеми своими недостатками. Хотя я понимаю так: смеяться тоже вроде бы как уже запретили, то есть смеяться теперь можно только на отдельные темы. Но хочется немножко радости, немножко тепла — хоть немножко! Наша передача грозит выйти к Первому апреля. Будет весна, зима из душ уйдет... Может быть, с апрелем наши души оживут и все вокруг нас оживится... Эти надежды на весну и питаю всех нас здесь.

— Читаете ли вы сейчас?

— С чтивом — катастрофа. В последнее время я готовила спектакль в Театре эстрады «Соло для кровати со скрипом», куда приглашаю всех читателей «КО» (не на кровать — а на спектакль!)

— Название отдает шоковой терапией.

— Да... Читала исключительно перидику, чтобы не отстать от злободневных тем. Ведь в моем спектакле кровать — не та, на которой рождаются дети, а та, на которой мы все вместе дрыхнем, — наша родина. Поэтому искала в газетах то, что могло бы войти в спектакль. На серьезное же чтение времени не хватало и не хватало. Мечтаю прочесть все то, что пропустила. Хотя не очень понимаю, что я могла пропустить? Ну что нового произошло в журналах? А?

— Если не считать эпохального события — введения в редколлегия «Молодой гвардии» некоего В.Хатюшина, известного своими строчками о «врастании в отбойный молоток», — ничего. Впрочем, продолжался процесс возвращения в нашу литературу потерянного или забытого...

— Да, печатается Аксенов. Но я его читала раньше — под простыней — и «Остров Крым» в том числе... Вот почему сейчас читаю только газеты.

А вообще я мечтаю уединиться с книжкой... Я покупаю книги в большом количестве. Муж говорит: «Уймись!» Последнее, что купила, — Мережковский. К сожалению, и его прочесть нет времени. Завидую дочери. Ей только исполнилось 14 лет, а она уже прочитала всего Набокова. Я в ее возрасте и не знала, что такой существует. Вхожу к ней в комнату — читает! Читает настоящую литературу! Я с завистью облизываюсь...

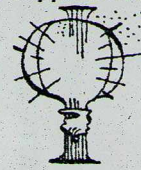

— А ты делай прощ, — подключается к разговору писатель-сатирик **АЛЬБЕРТ ЛЕВИН**. — У меня жена все читает и мне пересказывает. Удобно!

Вот вы говорите: кругом зима... Я же во всех случаях устраиваю в душе собственный микроклимат. Без праздничного внутреннего ощущения нельзя смотреть на мир. Юмор сам по себе требует радо-

стной атмосферы. Вот мы и собрались здесь, чтобы нанести массированный удар — всей когортой популярных артистов и писателей сатирического смеха. Может быть, сумеем создать атмосферу, которая хоть на несколько дней повысит настроение людям, поможет им отключиться от жизненных неурядиц... Какая бы ни была тяжелая жизнь, у людей всегда сохраняется потребность в юморе. В этом — причина популярности нашего жанра, несмотря на то, что по ТВ непрерывно крутят рок-группы...

— ...и зачитывают указы Президента, — встрял ваш корреспондент.

Выключив диктофон, я отвесил общий поклон, как того требовал еще не принятый Устав «КО». По пути споткнулся о вольготно расположившегося в уголке осветителя, зубрившего, по-моему, институтскую физику: массы превращенных веществ пропорциональны количеству прошедшего через электролит электричества... Разумеется, это был закон Фарадея. И разумеется, законом мой взгляд упал на артиста, носившего неброское, но знакомое многим имя — **СЕМЕН ФАРАДА**. Узнав о том, что перед ним корреспондент «КО», С.Фарада сам задал себе вопросы и сам на них ответил. Вопросы удивительно точно совпали с теми, которые хотел задать ваш корреспондент.

— Что я думаю о «КО»? Я второй год выписываю ваше издание. До этого как-то не испытывал потребности в нем. «КО» — удивительная газета...

Почему я согласился участвовать в съемках «Аншлага»? Когда меня пригласили, я сначала сразу отказался. Потому что меня удручает Центральное телевидение, его политика, программы. Они мне, мягко говоря, не очень нравятся. Но меня заверили, что «Аншлаг» пойдет по ленинградской программе... И еще — передача посвящена Первому апреля. Не отменять же этот праздник! Что нас спасет в этой жизни? Только юмор, ирония! Конечно, следует учитывать в своем выступлении время и положение в обществе. Конечно, и то, и другое не очень смешно, а в основном — печально. Сколько сатиры ни работает в нашем государстве, коэффициент полезного действия остается низким. И все равно сатира должна существовать! Если ее не будет — будет совсем плохо! Хотя порой номера наших программ не имеют отношения к творчеству, насквозь политизированы... Кажется, мы стоим на пороге новых запертий. Побеждать их нужно искусством — не в лоб, а искусством обобщений, ассоциаций, высокой литературой — и классической, и современной. Ведь у нас есть прекрасные авторы-сатирики. Мелкотемьем же сейчас заниматься — преступление. В период застоя это сходило с рук. Сейчас надо говорить по большому счету — языком художественным, языком искусства.

— Какая книга лежит открытой на вашем столе?

— Новый завет.

— Эта книга должна лежать всю жизнь на столе открытой.

— Недавно я достал сборник Саши Черного. Читаю Андрея Платонова, в которого давно влюблен. Люблю Бабеля. Читаю Солженицына — его выходящий семитомник. Впрочем, эти имена, наверное, сейчас волнуют всех читателей...

Пожелав Семену Фараде успехов в будущем фестивале в Сан-Ремо, как в сольном выступлении, так и в дуэте с Абдуловым, ваш корреспондент направился к выходу, повторяя про себя слова Маркса: человечество прощается с прошлым смеясь.

— А мы еще и с настоящим расстаемся смеясь! — ответило эхо голосом Клары Новиковой.

— Нам бы еще расстаться смеясь и с будущим, — добавило другое эхо голосом Виктора Коклюшкина.

Корреспондент вернулся домой — в неполученную от Союза писателей квартиру с причитающимися для творческой работы 20 кв. м., налил чаю, сделал бутерброд с невыброшенной в магазине «Диета» колбасой и включил ТВ. А там... Про «что там» вы и сами знаете...

Александр ШУПЛОВ.
Рисунки А.ЧИЖОВА.